

Евгений БУРАВЛЁВ

ИЗ ФРОНТОВОГО БЛОКНОТА

ПОДСНЕЖНИК

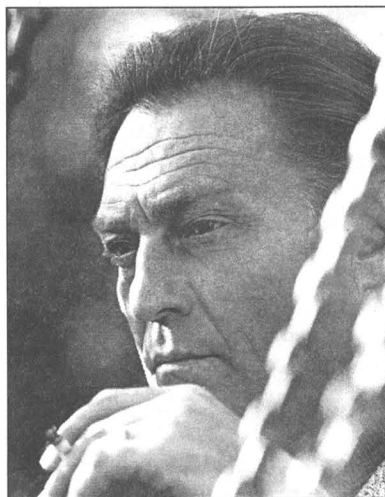
На краю воронки от разрыва бомбы
Утром я подснежник голубой сорвал.
Мне бы его бросить, позабыть о нём бы, —
Но о чем-то близком он напоминал.
Положил его в воду у пневматика.
— Береги, — механику своему сказал.
Дам после полетов любопытным: нате-ка,
Вот какого цвета милые глаза.
4.1942 г.

ПОБЕДИТЬ!

В этом слове народная воля.
Сталевар с этим словом на вахту встает,
Трактористка в груди это слово несет,
Выезжая в колхозное поле.

С этим словом бойцы рядовые
И седой командир, партизанский отряд,
Не жалея ни крови, ни жизни, творят
Для отчизны дела боевые.

Победить! И не будет другого.
Победить! И вперед, и ни шагу назад.
Победить! Потому что сегодня сказал
Сталин это зовущее слово!
1942 г.

27

Кто проводит меня за околицу,
Кто в дорогу согреет словом,
Кто о счастье моем помолится,
Если в бой уйду я снова?

Видно, так уж один останешься
На распутье тяжелых дней.
Ни привета тебе, ни пристанища
Без любимой и без друзей.

На судьбу обижаться надо ли?
Не согнете её, не распрямите...
День за днем, словно листья падают,
Засыпая аллеи памяти.
1943 г.

БЕЗ КРАСОК

Ночь темнотою нас укрыла.
Мы шли с трудом, почти без строя.
И ливень ледяным порывом
Стремился горе смыть людское.

От блеска молний иногда
Срывалась темная завеса,
Тревожа сон немого леса..
За воротник текла вода...

БУРАВЛЁВ Евгений Сергеевич (1921–1974) родился в Калужской области в семье строителей-железнодорожников. Окончил Иркутское военно-техническое училище, участвовал в Великой Отечественной войне. Заочно окончил Литературный институт имени М. Горького, был принят в Союз писателей СССР, несколько лет (содня ее организации) возглавлял Кемеровскую областную организацию Союза писателей РСФСР. Е. Буравлёв – автор многих поэтических книг, а также очерковых, двух детских повестей, трех пьес и других произведений.

Мы шли. Лицо стегали ветви
Шли в темноту, за лес туманный,
Чтоб завтра рано на рассвете
Дать бой, стремительный, неожиданный.

Солдатских шуток острота
Нам кровь на время согревала;
Порой мы делали привалы,
Посуше выискивая места.

И враз клонила в сон усталость,
В мозгу бессвязных мыслей нить,
Что где-то девушка осталась...
Что хорошо бы покурить...

Но вновь команда. Снова в путь.
Вплотную подошли к окопам.
И залегли, чтоб раньше срока,
Соседей-немцев не спугнуть.

А в мыслях смутная тревога,
Но сон теперь уже не шел.
Сейчас согреться бы немного,
Вина бы выпить хорошо...

А через час, наверно, бой...
А дома ласковая мать.
Письмо бы надо написать
И попрощаться бы с тобой...

Но почему же неприступным
Считают немцы свой рубеж?
А может так? Здесь запах трупный,
Здесь след от прежней битвы свеж.

Но мы пришли сюда опять
И каждый в ненависти страшен;
За нами будущее наше
И рубежу не устоять!

У пня раздробленная каска...
Трава помятая какая...
Со смертью кто-то здесь напрасно
Боролся, кровью истекая...

Да, счастье, данное судьбой,
И мне придется испытать...
Уж начинало рассветать,
А через час, наверно, бой.

От ветра капельки на листьях,
Как слезы горькие дрожали.
И тучи рваные повисли,
И мы промокшие лежали.

Да где-то ворон каркал глупо, –
Здесь птицы песен не поют,
Лишь воронье себе приют
Нашло, расклеивая трупы.

Я тень усталости согнал,
Прильнув щекой к холодной стали,
Скорее что ли бы сигнал,
Чтоб мысли глупые отстали.

Ракета огненным хвостом
Во мглу рассветную метнулась.
И вдруг все ожило, проснулось
В лесу, казалось бы, пустом.

Взлетев фонтанами разрывов,
Земля шаталась под ногами.
Воспламененные порывом,
Мы грудь на грудь сошлись с врагами.

28

И в столах, в скрежете металла
Одно стремление – убивать!
Казалось, что существовать
Все остальное перестало.

Да разве в битве штыковой
Отчет своим поступкам дашь?
Одну гранату за другой
Метнул – и в воздухе блиндаж.

Обезображенное страхом,
Передо мной лицо врага –
Почти не целясь, наугад
Прикладом бью в него с размаху.

Другой, поверженный штыком,
Обмяк весь как-то и без крика
Осел безжизненным мешком,
Припав к земле, от крови липкой.

По сторонам, куда ни глядь,
Сошлись враги в единоборстве.
Нет, против храбрости упорством
Вам, немцы, здесь не устоять.

И на штыках неся победу,
Врага теснили мы к реке.
От сожаленья нет и следа.
А брызги крови на руке,

И немцы в страхе перед смертью
Бросались в панике в реку.
– Ага, не выдержали, черти!
– А ну, поддай им огоньку!

В руках откуда-то, не знаю, —
Смертельным ливнем пулемет
На дно плывущих немцев шлет.
Но пуля, видимо, шальная

Срывает каску с головы,
По шее кровь на грудь стекает...
В сознание смятый вид травы,
И пень... и каска — та, другая...

Очнулся вечером. Не верю,
Щипнул себя, да нет, не сонный.
Гляжу, как будто вновь рожденный,
На простынь, окна, пол, на двери.

В окно вечерняя прохлада
Струилась далекой песней.
Хотел подняться. Нет, не надо —
Лежать и слушать интересней.

То зазвенев, то смолкнув вновь,
Та песнь души моей коснулась,
И с новой силою проснулась
К далекой девушке любовь.

Далекой... Нет, с тобой я жил,
Чтоб в этой битве победить.
Я в ненависть свою вложил
Свое желание любить.

Умолкла песня, только листья
О чем-то шепчут меж собою...
Темнеет небо голубое,
И звезды над окном повисли...
1943 г.

ЕЩЕ ОДИН ГОД

Свой двадцать третий встретил я
Не так чтоб очень плохо —
Хоть и не в шумном блеске дня,
Но без печальных вздохов.

В тот день стакан мой поднят был
С вином, дополненным слезой.
Его до дна я осушил.
Один, забытый и чужой
Для всех.
В кругу своей мечты,

Прослушав собственный свой спич,
Без шума, громкой суеты,
Не приняв и не бросив клич

К веселью, радости и смеху,
У елки, не деля потеху
Друзей и шуток маскарада,
Как то бывает на балах.
И мне, по совести, не надо
Менять покой свой на размах.

Портрет поставив пред собой
Той, что в душе моей живет,
Один, забытый и чужой
Для всех, — я встретил Новый год.
1944 г.

Я не пишу о войне:
Трудно писать о войне.
А уж кому, как не мне,
Строчку не бросить на круг?
Летчику и стрелку,
Саперу и взрывнику,
Взводному в энском полку
Есть что сказать, мой друг.

Только не до строки
Там, где легли полки,
Там, где взята в штыки
Последняя высота.
Не срифмовать мне, друг,
Оторванных ног и рук,
Не срифмовать всех мук
И всех оставшихся там...

Хотя идти на редут —
Это ведь тоже труд.
Страшный, но все-таки труд
Ради жизни, мой друг.
Смерти самой вопреки
Безусые пареньки
Бросали вместо строки
Сами себя на круг.

Но умели молчать
Там, где нельзя кричать,
И попадали в печать
Только посмертно, друг.